

досадуя на нас, ругались и стращали нас истязаниями и смертью. Мы ожидали последствия угрозам Швабрина. Наконец, сделалось большое движение на дворе, и мы опять услышали голос Швабрина.

— Что, надумались ли вы? Отдаетесь ли добровольно в мои руки?

Никто ему не отвечал.

Подождав немного, Швабрин велел принести соломы. Через несколько минут вспыхнул огонь и осветил темный анбар. Дым начал пробиваться из-под щелей порога.

Тогда Марья Ивановна подошла ко мне и тихо, взяв меня за руку, сказала: «Полно, Петр Андреич! Не губите за меня и себя и родителей. Выпустите меня. Швабрин меня послушает».

— Ни за что! — закричал я с сердцем: знаете ли вы, что вас ожидает.

— Бесчестия я не переживу, — отвечала она спокойно. — Но, может быть, я спасу моего избавителя и семью, которая так великодушно призрела мое бедное сиротство. Прощайте, Андрей Петрович! Прощайте, Авдотья Васильевна... Вы были для меня более, чем благодетели. Благословите меня. Простите же и вы, Петр Андреич. Будьте уверены, что... что...» Тут она заплакала... и закрыла лицо руками... Я был как сумасшедший. Матушка плакала.

— Полно врать, Марья Ивановна, сказал мой отец. Кто тебя пустит одну к разбойникам? Сиди здесь и молчи. Умирать, так умирать уж вместе. Слушай — что там еще говорят?

— Сдаются ли? — кричал Швабрин. — Видите, через пять минут вас изжарят.

— Не сдадимся, злодей! — отвечал ему батюшка твердым голосом. Лицо его, покрытое морщинами, оживлено было удивительною бодростью. Глаза